

Т.П. Буслакова

«Тройка» (1846)

Образы «дороги» и «промчавшейся тройки» вошли в русскую литературу как олицетворение России благодаря символике финала поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842). В стихотворении Некрасова представление о России — «бойкой необгонимой тройке» (образ Гоголя, у Некрасова — «кони... бойки», «бешеная тройка») дополнено сближением судеб родины и крестьянки.

В стихотворении Некрасова тройка тоже летит «вихрем» (у Гоголя: «Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах?»), но она пронесется мимо «жадно» глядящей на дорогу героини. В ней проезжий, молодой корнет, заставляющий тревожно «забиться» сердечко девушки. Внимание к ней привлекается благодаря взгляду лирического героя, который, всматриваясь в «чернобровую дикарку», погружается в размышления о ее будущей судьбе. У нее лицо, «полное движенья», жизни, «щека... смуглая», «бровь... полукруглая», «лукавые» глазки, волосы «черные как ночь»:

На тебя заглядеться не диво...
Полюбить тебя всякий не прочь...

...

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Для такой красавицы жизнь должна быть праздником («попразднуешь вволю»). Но ее «тоскливая... тревога» предвещает другой, «тяжелый... путь» (антитеза предположению, что «жизнь» будет «полна и легка»).

Как «не нагнать» ей «бешеной тройки», в которой, «подбоченясь красиво», мчится корнет, так и не справиться с судьбой. Доля русской крестьянки черная, трудная, уродливая. В ней только работа, от которой появится «выраженье тупого терпенья», и семейный деспотизм, приучивший женщин к «бессмысленному, вечному» страху:

Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести...

...

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Такое «бессмысленное» существование погружает душу в «сон непробудный». Даже любовь к детям воспринимается как тяжкая обязанность продолжать нескончаемый род близких тружеников:

Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

Так формируется еще одна аллюзия на гоголевскую поэму. Действительность русской деревни порождает «мертвые души», убивая желания, надежды, чувства раньше

физической гибели. Эта мысль в стихотворении заострена в связи со спецификой показа центрального образа. Портрет крестьянки создан в соответствии с фольклорной традицией: ее облик охарактеризован на основе постоянных эпитетов и сравнений («алая лента», «бровь... полукруглая», «лукавый глазок», волосы «черные как ночь»). «Чернобровая дикарка» предстает сказочной «красной девицей», полюбить которую «всякий не прочь». Однако ее судьба изображена реалистически, достоверно, со множеством конкретных деталей:

За неяху пойдешь мужика.
Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь...

Противоречие между поэтизацией красоты девушки и сниженностью изображения ее доли проясняет художественную цель стихотворения. Лирический герой, вглядываясь в жизнь русской деревни (она представлена также с помощью антитетичных деталей: стайка «веселых подруг», «промчавшаяся тройка» — «черная» работа, побои «мужа-привередника»), с горечью и негодованием замечает, что в ней нарушены законы бытия. «Сила», красота, душевное богатство оказываются «бесполезными», жизненный расцвет, замужество оборачиваются «погибелью» («Отцветешь, не успевши расцвести»).

Финал стихотворения усиливает трагизм переживания. Если первые пять четверостиший (трехстопный анапест) обрисовывают картинку сельского быта и портрет красавицы, то следующие пять строф являются «черным» предсказанием, резко контрастирующим по окраске с первой частью. Два последних четверостишия обращены к героине — это заключающие развитие темы «тоскливые» советы, основанные на выводах из реального опыта:

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки...

Сопоставление реального и метафорического смысла образа «тройки» вносит новый оттенок в эмоциональную окраску стихотворения (не случайно внимание к этому образу привлекает название). Гоголевский символ предстает в контексте стихотворения красивой иллюзией. Действительность уродлива и бессмысленна, но только жизнь, которая «Мчит-ся вихрем» по этой вечной дороге, дает надежду. Фольклорные основы образа героини, углубляя временную характеристику, придают ему обобщенность. Для лирического героя в русском национальном характере оказываются важными как скрытые возможности, так и его современные проявления. Отношение к бедствиям народа — мерило душевной честности, и нравственное чувство лирического героя заставляет его вглядываться в действительность, доискиваясь причин происходящего, фиксировать веселые минуты и повествовать о всеобщей, но неповторимой для каждого судьбе.